

Пу́па в говору́

- ... распускал хвост колесом: как бы плюмажем, да и пустовакал, пустобаил, пустомелил... всё больше: вéрезгом, тараща при том хлúпалы навикат багровыми сливами... да и гадил обильно...
- ... балаболлил, молол без останóву, резал кривду-матку...
- ... расходясь нешуточно, отчего сам вдруг себе верил, а тогда уж – зачинал еро́шить да ды́бить перя́к: хохол свой, да не тот хохол, что плюмаж на заду, а тот, что гребень на голове...
- ... и вещал, верещал, источал из клювища всё, что с худых мозгов на язык текло... но и то – не своё: что пролетало от уха до уха, чуток застревало, да промеж ушей чепухой оседало...
- ... и наболотил же себе мозги Пу́па – презрядною дрянью!
- ... оттого и текло: изустно – звучным хлúдом, в завронет – буквенным флúдом.

И если большинству зверян естественна жизнь на ходу, и, как следствие, – смерть на ходу, то Пу́па жил в говору́: обо всём и много, обильно да убедительно, да больше: повторками.

Вторил же всему кархадскому, за́падлому. Да не за всеми – одно только за теми, кто силу промеж звероидов набрал, буде и косноязык, и туп, зато при клыках – наглядных, доходчивых, неопровержимых, аль при средства́х – весомых, неоспоримых, на депозитах тучных...

Но даже чушь, вздор, пустовщина, бредня какая – и те в исполнении Пу́пы становились уж вовсе пошлыми, гадкими, мерзкими: хлúдой кулемéсною.

Вот иные толк говорят, когда и врут, когда и злоречат. Такого послушаешь, да содрогнёшься вражине коварной, лукавой, замышляющей. Иному и подивисься, восхитисься супротив воли:

ай, красава, ай, да загнул! эх лихо-то пули льёт! како размашисто да како казисто, стервец, заливае!..

Пу́па ж – кулемéсил, всегда кулемéсил: нёс гиль, гниль, мутную путанность да скучную бестолочь.

Так и по жизни был – кулемéсник: вовносил везде сумбур да разладицу.

И подельники его, заединщики-ливеры – тако ж пакостно жили: заприметят где что, ладóм да миром, да согласиём приумножаемое – завтра ж туда и кулемéсу запустят, да не простую, стало быть: разноцветную – управляемый Хаос ещё прозывается... а смúтни те замутивши – с того ж и прибыток поимеют постыдный: на чужой на беде наторгованный...

... да ещё потешаются – над учинённою ими ж замя́тней, ими ж намученной смутней...

... ибо для них, копыто-и-лапопожатных, – те, кто подговóрным движухам поддался – “неудачники, лузеры, вата, быдло, биомасса” – жертвы и есть!..

А всякая жертва, как то очевидно скоту-неполживцу, – сама ж кругом во всём виновата!..

media | 'Рык Зверомира' N 1 | Тигр, 'Рожны́ и рогúлины ливерасти́и'
| фрагменты статьи

Оттого и так пристальны мы, так дотошны –
время доброе тратим,
толкуем о дискурсе вражьем:

о токсичной семантике вздора,
о “неполживом” язвенном слоге
да попугáндовом за́падлом смоге:

ибо кислотный туман тот – увы!
всеместен уже на Зелёной планете:
разъедает и долы, и веси, и сами Просторы.

То – не есть лишь словесность, то – война!

На войне ж –
не кукарекать, не бляеть –
боева́ть надобно,
ра́товать:

рать на рать,
клык на клык,
брань на брань –
да стократ враж́инного лютее!

И язык наш родной – в том оружие грозное,
сила ярая!
с ядрёной рудой урановой нравом схожая:
ведь сама по себе та руда не за мир, не за злобие:
смоляная ли вовсе убóгая, коли не знать,
как богатить да использовать:
жизни – в подмогу, вражине – в остратку.
Такая о ро́сском родном языке актуальная сказка.

Иные вот нас уверяют:

война, мол, – категория историческая,
метафизическая, нам неподвластная, –
данность, мол, средство прогресса!
И вóйны не начинают:
дескать, вóйны сами приходят...

На ту кулемéсу ответим:

и верно, сами приходят!
Да ломаются в дверь
от стороны зверосердных соседушек...

Да ещё через окна ли форточки Овертона...

А ряжены войны те, для затраву:
как фри́ки, как кулемéсы!..